

СЕРИЯ
ДЕДУШКИЯ

Артур Б. Рив
Крейг Кеннеди,
профессор-детектив
~ Том 1 ~

КРЕЙГ КЕННЕДИ,
ПРОФЕССОР-ДЕТЕКТИВ

ARTHUR B. REEVE

CRAIG KENNEDY,
SCIENTIFIC DETECTIVE

- VOL 1 -

1910-1911

АРТУР РИВ

КРЕЙГ КЕННЕДИ,
ПРОФЕССОР-ДЕТЕКТИВ
- 1 ТОМ -

Издательство «Самозанятый Кузнецов А.Г.»

Тимашевск

2022

deductionseries.blogspot.ru

I. Дело Хелен Бонг

– Мне всегда казалось странным, что ни в одном из наших крупных университетов никогда не было профессора криминалистики.

Крейг Кеннеди отложил газету и набил свою трубку моим табаком. Мы с ним обустроились в аккуратной холостяцкой квартире на Хайтс, поблизости от университета. Крейг был ассистентом профессора химии, а я – репортером «Стар».

– А зачем нужна кафедра криминалистики? – заметил я, откинувшись на спинку стула. – Я бывал в полицейском управлении и могу сказать вам, Крейг, – это не место для университетского преподавателя. Преступление – это преступление, и для борьбы с ним нужен хороший сыщик, с прирожденным чутьем. Университетский профессор хорош в социологическом изучении преступности, это да, но, что касается расследований, лучше пусть ими занимаются Бирнс или Девери.¹

– Вовсе нет, у науки особое место в раскрытии преступлений, – возразил Крейг. – Европейцы сильно нас в этом обошли.

---

1 Томас Бирнс (1842–1910), глава сысского отдела Департамента полиции Нью-Йорка с 1880 по 1895 годы; Уильям Стивен Девери (1854–1919), «последний суперинтендант полицейской комиссии Департамента полиции Нью-Йорка и первый начальник полиции» (департамент в XIX веке управлялся коллегиально, а ее председатель назывался сперва суперинтендантом, а потом начальником).

По сравнению с ними мы просто дети, я могу назвать дюжину криминалистов из Парижа. Уолтер, вы должны помнить, что за последнее десятилетие у нас появились профессора, которые могут преуспеть в этом. Сегодня профессора университетов выступают третейскими судьями в трудовых спорах, проводят валютную реформу на Дальнем Востоке, возглавляют комиссию по тарифным ставкам и выступают за сохранность лесов. У нас есть профессора чего угодно. Так почему не может быть профессора криминологии? Университеты преодолели длинный путь от старого идеала чистой науки до решения насущных жизненных проблем. Всех, кроме одной. Они подходят к преступлению с той же меркой, что и раньше, – изучают статистику и причины явления, а также выдвигают теории, как его предотвратить. Но если дело касается того, чтобы изловить преступника при помощи науки, – мы не продвинулись ни на дюйм со времен ваших Бирнса и Девери.

– Полагаю, вы напишете диссертацию на эту интересную тему, – предположил я, – и на этом остановитесь.

– Нет, я вполне серьезно. Я имею в виду именно то, что сказал. Я собираюсь применять науку в расследовании преступлений – теми же методами, которыми отслеживают присутствие химических веществ или выявляют неизвестные виды микробов. Но пока я намереваюсь заручиться поддержкой Уолтера Джеймсона. Думаю, в моем деле понадобится и ваша помощь.

– Но при чем здесь я?

– Ну, например, вы получите «бомбу», сенсацию или как там это называется на вашем газетном жаргоне.

Я скептически улыбнулся – журналисты склонны преуменьшать событие, пока оно не произойдет, а вот потом мы кидаемся в драку за то, чтобы осветить его.

– Готов поспорить на нашу следующую коробку сигар, – продолжил он, – что вы не знаете самую захватывающую историю из вечернего выпуска вашей же газеты.

– Держу пари, что знаю, – ответил я. – Я же был одним из дюжины человек, готовивших выпуск. Это процесс по убийству Шоу. Там больше нет ничего столь же интересного.

– Уолтер, боюсь, следующую коробку покупать вам. На второй полосе, среди банальных новостей, которые уже давно не новости, есть полколонки о внезапной смерти Джона Дж. Флетчера.

– Крейг, – рассмеялся я, – если вы ставите простую смерть от апоплексии на один уровень с судебным процессом по делу об убийстве, причем таком убийстве... Ну, вы просто демонстрируете то, о чем я говорил.

Тем не менее Крейг взял газету и прочел заметку вслух.

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ СТАЛЬНОГО КОРОЛЯ ДЖОНА ДЖ. ФЛЕТЧЕРА

Джон Грэхем Флетчер, пожилой филантроп и стальной магнат, этим утром был найден мертвым в библиотеке собственного дома в Флетчервуде, Грейт-Нек, Лонг-Айленд.

Мистер Флетчер обычно вставал в семь часов. Так что, когда этим утром он не появлялся до девяти часов, его экономка забеспокоилась. Постояв у двери хозяина, она не услышала ни звука. Было не заперто, и, войдя, она обнаружила безжизненное тело магната на полу – между его спальней и прилегающей к ней библиотекой. Личный врач Флетчера, доктор У. С. Брайант, был вызван немедленно.

Тщательный осмотр тела показал, что лицо слегка изменило цвет, и врач назвал причину смерти: апоплексия. Очевидно, что на момент

обнаружения тела Флетчер был мертв уже восемь или девять часов. Любопытно, что сейф в библиотеке оказался открыт – магнат хранил в нем документы и большую сумму денег, но, насколько известно, ничего не пропало.

У Флетчера остались племянник – Джон Дж. Флетчер II, профессор бактериологии университета, и внучатая племянница – мисс Хелен Бонд. Профессор Флетчер был извещен о печальном происшествии утром. Он немедленно поспешил в Флетчервуд. Профессор не сделал никаких заявлений, кроме того, что он невыразимо потрясен. Мисс Бонд, много лет прожившая в семье миссис Френсис Грин, сломлена горем.

Затем следовало описание жизни стального магната и список его филантропических деяний.

– Незадолго до того, как вы пришли, мне позвонил Джек Флетчер из Грейт-Нека. Возможно, вы не знаете, но в узких университетских кругах было известно, что старый Флетчер намеревался оставить большую часть своего состояния на создание школы профилактической медицины, и единственное условие состояло в том, что руководить школой должен его племянник. Профессор сообщил мне, что завещание исчезло из сейфа, и это была единственная пропажа. Судя по его волнению, я заключил, что по телефону он не может рассказать мне всего. Джек сообщил, что его машина направляется в город, и спросил, не могу ли я выбраться и помочь ему. Правда, он не сказал, какая нужна помощь. Поскольку я знаю профессора довольно хорошо, хочу попросить вас поехать со мной, но не сообщать ничего в газету, пока мы не докопаемся до сути.

Спустя несколько минут зазвонил телефон, и слуга объявил: «Профессора Кеннеди ждет машина, сэр». Мы быстро и несколько суетливо спустились к ней, водитель спокойно занял свое место, и мы с удивительной скоростью поехали через город, в Грейт-Нек.

Мы обнаружили, что Флетчервуд находится прямо на берегу залива, и длинная дорога ведет к двери поместья. Профессор Флетчер встретил нас у *porte-cochère*.² Я был рад тому, что он не воспринимал меня как вероятного злоумышленника и, кажется, испытывал облегчение от того, что кто-то понимает силу прессы и позаботился пригласить посредника между ним и другими репортерами.

Джек провел нас в библиотеку и закрыл двери. Казалось, что он не может дождаться возможности рассказать кому-нибудь свою историю.

2 Въездная арка (фр. *porte-cochère*) – крытое крыльцо, которое используется как основной или дополнительный вход в здание.

– Кеннеди, – начал он, – посмотрите на дверь сейфа.

Дверь была просверлена так, чтобы взломать замок. Ока-
зывается, и столь надежный современный сейф можно было
открыть.

Флетчер распахнул дверь и указал на маленький отсек
внутри – стальная дверь в него была взломана. Затем Джек
осторожно поднял стальной ящик и поставил его на стол в
библиотеке.

– Полагаю, этот ящик трогали все? – тут же спросил Крейг.

– Кеннеди, я подумал об этом, – улыбнулся Флетчер. – Я
помню, как вы однажды рассказывали мне об отпечатках паль-
цев. К нему прикоснулся только я, причем я был осторожен и
брал его только за ребра. Завещание лежало в этом ящике, а
ключ от него обычно был в замке. Теперь завещание исчезло.
Только оно – больше ничего не пропало. Но на коробке я не
могу найти не то что отпечатки пальцев, но и вообще хоть ка-

кой-нибудь след. Сейчас жаркий вечер с влажным воздухом, вчерашний вечер был точно таким же. Любой, прикоснувшийся к ящику, должен был оставить отпечатки пальцев. Кеннеди, разве не так?

Кеннеди кивнул и, продолжив изучать взломанный сейф, резко присвистнул. Подойдя к столу, Крейг вырвал лист бумаги из лежавшего на нем блокнота и поместил на него пару мелких соринков.

– Я обнаружил их на зазубренных краях отверстия, – сказал он, а затем вынул из кармана увеличительное стекло. – Не от резиновой перчатки, – добавил он, обращаясь к самому себе. – Господи, с одной стороны на них линии, как у отпечатка пальца, а вторая сторона совершенно чистая. Нет никакого шанса использовать их как улику, кроме как... но я не знаю ни одного американского преступника, который был бы знаком с таким трюком.

– Каким трюком?

– Знаете, насколько современные детективы увлечены дактилоскопией? Так что нынешние преступники в Европе первым делом принялись носить резиновые перчатки. Но работать в них не очень-то удобно. Прошлой осенью в Париже я услышал о парне, который доставил полиции немало хлопот. Он никогда не оставлял отпечатков, по крайней мере таких, с которыми можно что-то сделать. Он обмакивал руки в изобретенный им же раствор жидкого каучука. В результате его руки были словно в перчатках, которые в то же время не мешали легкости движений пальцев. Флетчер, что бы ни лежало в корне вашего происшествия, я уверен – мы имеем дело с необыкновенным преступником.

– Как вы думаете, есть ли здесь еще какие-либо родственники покойного, помимо тех, о которых нам уже известно? – спросил я у Кеннеди, когда Флетчер вышел из комнаты, чтобы позвать слуг.

– Нет, – ответил ученый. – Думаю, нет. Только Флетчер и Хелен Бонд, его троюродная кузина, с которой он помолвлен.

Кеннеди продолжил изучать библиотеку. Он зашел и вышел из дверей, изучил окна и осмотрел сейф со всех сторон.

– Спальня старого джентльмена здесь, – сказал он, указав на дверь. – Шум или даже свет в веерообразном окне над дверью библиотеки могли бы разбудить его. Предположим, что он внезапно проснулся и заглянул в эту дверь. Он мог увидеть, как вор трудится над сейфом. Старик был сильно взволнован, так что злоумышленнику не потребовалось идти на убийство, чтобы избавиться от него. Природа и волнение сделали это сами. Эту часть просто реконструировать. Но вот кто был злоумышленником?

Затем вернулся Флетчер вместе со слугами. Их опрос был долгим и не выявил ничего, кроме того, что дворецкий был не уверен, что окна в библиотеке были заперты. Садовник был довольно бестолков, но, наконец, смог добавить один, вероятно, важный факт. Утром он заметил, что выходящие на заброшенную дорогу к бухте задние ворота были открыты. Ими редко пользовались, и обычно они были заперты только на крючок. Очевидно, что тот, кто открыл их, забыл запереть их за собой. Садовник удивился тому, что ворота открыты. Закрыв их, он заметил следы в грязи на дороге, указывавшие на то, что там стоял автомобиль.

После того как слуги ушли, Флетчер попросил нас извинить его, так как он хотел заглянуть к Гринам, которые жили по ту сторону залива. Он сказал, что мисс Бонд совершенно обескуражена смертью дяди и пребывает в крайне нервном состоянии. А если нам потребуется машина, то мы можем взять автомобиль его дяди и добраться на нем в любое необходимое нам место.

– Уолтер, – сказал Крейг после того, как Флетчер ушел, – я хочу съездить в город, и у меня есть поручение для тебя.

Вскоре мы мчались по роскошным улицам Лонг-Айленда, и он излагал программу на вечер.

– Отправляйтесь в редакцию «Стар» и пересмотрите все вырезки о семье Флетчер. Также составьте полное описание жизни Хелен Бонд – чем она занималась в обществе, с кем ее видели чаще всего, совершала ли она поездки за границу и была ли когда-нибудь помолвлена – все, что может иметь хоть какое-то значение. Я же собираюсь в нашу квартиру за камерой и заеду в лабораторию, где возьму довольно громоздкие принадлежности, которые собираюсь отвезти в Флетчервуд. Встретимся на станции «Колумбус-серкл», скажем, в половине одиннадцатого.

Так мы разделились. Мои поиски показали, что мисс Бонд всегда вращалась в модных кругах, а прошлое лето провела в Европе, большей частью в Швейцарии и Париже, вместе с Гринами. Насколько я мог судить, она никогда не была помолвлена, хотя вокруг подопечной стального магната вертелось множество богатых кавалеров и титулованных иностранцев.

В назначенное время мы встретились с Крейгом. С ним было так много принадлежностей, что возвращаться нам было не очень комфортно, но уже менее чем через полчаса мы снова были в Лонг-Айленде.

Вместо того чтобы направиться прямо в Флетчервуд, Крейг велел водителю остановиться у электроэнергетической компании, там он спросил, можно ли посмотреть записи о количестве энергии, потребленной прошлой ночью.

Кривая на листе бумаги была очень неровна и показывала взлеты и падения потребления электричества, которое резко возросло после захода солнца и постепенно уменьшалось после девяти вечера, когда тушили свет. Однако между одиннадцатью и двенадцатью часами спуск линии сменился заметным скачком вверх, а в полночь компания прекращала работу, и график обрывался.

Крейг спросил, часто ли такое случается. Служащий был уверен, что обычно кривая постепенно снижалась до полуночи, когда потребление энергии прекращалось.

Но он не видел ничего примечательного:

– Полагаю, в одном из больших домов были гости, – сказал он, – и хозяйева просто для того, чтобы похвастаться, могли включить освещение на полную. Сэр, не знаю, что это было, но это не был сильный всплеск, иначе мы заметили бы, да и свет бы горел тускло.

– Ну, пронаблюдайте, не случится ли то же самое и этой ночью, в то же самое время, – распорядился Крейг.

– Хорошо, сэр.

– Когда вы закроетесь на ночь, не принесете ли вы учетную карточку в Флетчервуд? – спросил Крейг, сунув купюру в карман служащего.

– Принесу, спасибо, сэр.

Когда Крейг установил свое оборудование в библиотеке Флетчервуда, была уже половина двенадцатого. Затем он выкрутил из люстры все лампочки и установил на их места коннекторы, от которых шел заизолированный гибкий трос. Потом он подсоединил его к инструменту, который выглядел как дрель, укутал его войлоком и приложил к дверце сейфа.

Я мог слышать монотонное тарахтенье дрели. Пройдя в спальню и закрыв дверь, я обнаружил, что звук все еще слышно, но пожилого человека, склонного к глухоте и уснувшего, такой шум бы не разбудил. Спустя примерно десять минут Крейг продемонстрировал аккуратную маленькую дырочку в дверце сейфа – как раз напротив той, что сделал взломщик.

– Я рад, что вы честный человек, иначе за вас нужно было бы беспокоиться – например, о том, сможете ли вы подтвердить свое алиби на прошедшую ночь!

Крейг проигнорировал мое подтрунивание и сказал таким тоном, словно выступал перед классом студентов, изучающих искусство научного взлома:

– Если теперь электроэнергетическая компания предоставит нам точно такую же кривую, как и прошлой ночью, то мы сможем объяснить, как все произошло. Я хочу увериться в этом, так как я испробовал аппарат, привезенный мной в прошлом году из Парижа. Думаю, пожилой человек проснулся и услышал его.

Затем Крейг сорвал взломанную дверцу.

– Возможно, мы сможем что-нибудь узнать, если осмотрим дверь и изучим следы от фомки – все-таки это новый инструмент для меня, – сказал он.

Он установил на библиотечном столе устройство из двух вертикальных стоек и циферблата – он назвал его «динамометром». Конструкция прибора из циферблата над стойками чем-то напоминала мне миниатюрную гильотину.

– Это мой механический детектив, – гордо объявил Крейг. – Он был разработан самим Бертильоном, и он лично позволил мне сделать копию с его машины. Как видите, он предназначен для измерения давления. Теперь возьмем ломик и посмотрим, какое нужно давление, чтобы сделать такую же вмятину на двери, как та, что уже есть.

Крейг положил кусочек стали на динамометр и плотно закрепил его. Затем он взял ломик и с силой надавил. Стрелка циферблата завращалась и указала давление, производимое сильным мужчиной. Но при сравнении вмятин, полученных в результате эксперимента и оставленных взломщиком, оказалось, что применять настолько большую силу не было необходимости. Стало видно, что замок на двери был пустяковым, а сталь не очень прочной. Производители сейфа полагались на то, что атаку отразит первая линия защиты.

Крейг пробовал снова и снова, каждый раз прикладывая все меньшую силу. И наконец получил отпечаток, близкий к оригинальной вмятине.

– Ну, что вы об этом думаете? – спросил он. – Эту часть работы мог проделать и ребенок.

Сразу после этого электричество отключилось на ночь. Крейг зажег масляную лампу, и тихо сидел, пока не пришел сотрудник электрокомпании с карточкой отчета, кривая на которой в точности соответствовала вчерашней.

Спустя несколько мгновений на подъездной аллее появилась машина профессора Флетчера, и вскоре он присоединился к нам, не в силах скрыть беспокойство и тревожный взгляд.

– Хелен ужасно подавлена внезапностью всего произошедшего, – пробормотал он, садясь в кресло. – Она слишком шокирована. Мне не хватило смелости рассказать ей про ограбление.

Через мгновение он спросил:

– Кеннеди, есть новые улики?

– Ну, ничего первостепенного. Я только пытаюсь реконструировать ограбление, так что могу рассуждать лишь о мотиве и нескольких деталях. Когда у нас появятся настоящие улики, нам останется не так уж много. Взломщик определенно умен. Он использовал электрическую дрель, чтобы взломать замок, воспользовавшись энергией электроосвещения.

– Вот это да! – воскликнул профессор. – Правда? Он должен выделяться из толпы! Это интересно.

– Кстати, Флетчер. Я хочу, чтобы вы завтра представили меня своей невесте. Я мечтаю с ней познакомиться.

– С удовольствием. Только будьте осторожны. Помните, смерть дяди потрясла ее – он был ее единственным родственником, не считая меня.

– Хорошо. Кстати, ей может показаться странным то, что я здесь в такое время. Возможно, вам лучше сказать ей что я – невропатолог или кто-то в этом роде. Это не привяжет меня к ограблению, раз уж вы не сказали ей о нем.

На следующее утро Кеннеди встал с утра пораньше, так как ночью он не мог сделать ничего, кроме как реконструировать ход преступления. Теперь он был у задних ворот со своей камерой, и я заметил, что он фотографирует дорогу. Мы вместе обыскали лес и дорогу у ворот, но ничего не нашли.

После завтрака я затемнил комнату и проявил пленку, а Крейг пошел по дорожке вдоль берега – «искать улики», как он выразился. Около полудня он вернулся, и я увидел на его лице выражение «Только не задавайте вопросов». Так что я ничего не сказал и лишь протянул ему фотографии дороги. Он взял их и разложил на полу библиотеки. Казалось, что на них запечатлены две канавки, с рядами круглых пятен, очень четких по бокам и совершенно смазанных в середине. Время от времени одного из пятен не хватало, хотя оно было необходимо для симметрии. Смотря на эти фотографии, я понял, что это снимки следа от автомобильных шин, и внезапно вспомнил слова садовника.

Затем Крейг продемонстрировал результаты своей утренней работы – несколько десятков листов белой бумаги, разделенных на три пачки. Их он также разложил на полу – каждую пачку в отдельную линию. Тогда я начал понимать, что он делает, и принялся зачарованно наблюдать за тем, как он ползает на четвереньках и сравнивает бумаги с фотографиями. Наконец он решительно собрал два комплекта бумаг и отложил их. Затем переложил третий ряд бумаг, разместив их параллельно с фотографиями.

– Уолтер, посмотрите на них, – сказал он. – Вот на эту особенно четкую и глубокую вмятину. Такая же есть и на фотографии. А вот здесь на бумаге не хватает следа. Так же и на фотографии.

Он изучал и сравнивал следы шин, придя чуть ли не в ребяческий восторг. Я снова смотрел на отпечатки шин, сделанные на асфальтированной улице и на грязной дороге. Мне не приходило в голову, какой от них может быть прок. Но на моих глазах Крейг планомерно отслеживал и сравнивал следы на фотографиях со следами на бумаге.

Присоединившись к нему, я внезапно восхитился его гениальности.

– Крейг, – воскликнул я, – да ведь это же «отпечатки пальцев» автомобиля!

– Вы говорите как журналист бульварной прессы. Я уже вижу, как вы представляете заголовок воскресной газеты: *«Дактилоскопия применима и к автомобилям»*. Да, Уолтер, это именно так. Полиция Берлина уже несколько раз использовала данный метод и достигла впечатляющих результатов.

– Но, Крейг, – удивился я. – Откуда вы взяли бумагу с отпечатками? Какая машина оставила их?

– Не очень далеко отсюда, – напыщенно ответил он, и я понял, что он больше не скажет ничего такого, что смогло бы направить мои подозрения в конкретную сторону. Но мое лю-

бопытство было так велико, что, будь у меня возможность, я бы попытался проверить все машины из гаража Флетчервуда.

Кеннеди больше ничего не сказал, и мы обедали в тишине. Флетчер решил пообедать вместе с Гринами, и от них он телефонирует Кеннеди о том, что ученый приглашен познакомиться с мисс Бонд.

– Могу ли я принести аппарат для измерения ее нервного состояния? – спросил ученый и, естественно, получил ответ «Да», после чего удовлетворенно повесил трубку.

– Уолтер, я хочу, чтобы сегодня вы исполнили роль моего ассистента. Помните, теперь я – доктор Кеннеди, невропатолог, а вы – доктор Джеймсон, мой коллега. Мы прибыли сюда для консультации по очень важному вопросу.

– Вы думаете, это честно? Сбить девушку с толку, выдав себя за медика, чтобы вытянуть из нее информацию? Не нравится мне такая этика, вернее, всякое отсутствие этики.

– Уолтер, просто немного подумай. Не знаю, может, я иезуит, но я определенно чувствую, что цель оправдывает средства. Мне кажется, что я смогу получить от нее единственный ключ, который приведет нас прямо к преступнику. Кто знает? Подозреваю: то, что я собираюсь сделать, выше так называемой этики. Если сказанное Флетчером – правда, то девушка сходит из-за этого с ума. Почему она так потрясена смертью дяди, при том что она не жила с ним? Скажу вам: она знает что-то об этом деле, и нам тоже необходимо узнать это. Если она ни с кем не поделится, то мысли сгложут ее. Готов поспорить (и добавить к ставке в виде коробки сигар еще и ужин), так будет лучше – лучше для нее.

Я снова уступил, так как стал все сильнее и сильнее уверяться в том, что старик Кеннеди превратился в первоклассного детектива. Мы вместе отправились к Гринам. Крейг что-то нес с собой в одном из тех черных чемоданчиков, с которыми ходят врачи.

Флетчер встретил нас на подъездной дороге. Он выглядел очень взволнованным, его лицо осунулось, и он нервно переминался с ноги на ногу – из этого мы поняли, что мисс Бонд стало хуже. Был уже почти вечер, сгущались сумерки, когда он провел нас через прихожую и благоухающую жимолостью длинную веранду, выходящую на залив.

Когда мы вошли, мисс Бонд полулежала в плетеном кресле. Она начала было подыматься, чтобы поприветствовать нас, но Флетчер мягко удержал ее и, представляя нас, сказал, что доктора простят большой несоблюдение формальностей при знакомстве.

Флетчер был приятным малым, и он понравился мне, но вскоре мне стало интересно, как он смог добиться такой девушки, как Хелен Бонд. Она была, как я это называю, «женщиной нового типа» – высокой и спортивной, но не мужеподобной. В первую очередь меня поразила мысль о том, что девушки такого типа обычно не страдают от расстроенных нервов, и я уверился, что, как и говорил Крейг, должно быть, она скрывает некую сильно поразившую ее тайну. С первого взгляда было не понять, в каком состоянии она пребывает, так как темные волосы, большие карие глаза и обильный загар говорили о чем угодно, только не о неврастении. Но, несмотря на атлетическую грацию, ощущалось, что в первую очередь она – женщина.

Спустившееся к холмам за заливом солнце мягко осветило ее смуглую кожу, что, как я заметил, частично скрыло неестественную для девушки ее типажа нервозность. Когда она улыбнулась, в этом было что-то фальшивое, улыбка вышла натянутой. И то, что искусственность улыбки была так плохо скрыта, произвело на меня впечатление. Для меня было очевидно, что она пребывает в аду противоречивых эмоций, и будь у нее меньше самообладания, они могли бы убить ее. Я почувствовал, что хотел бы оказаться на месте Флетчера – особен-

но после того, как он удалился по просьбе Кеннеди, а мне пришлось стать свидетелем пыток измученной женщины, которую и так преследовали собственные мысли.

Тем не менее я отдал Кеннеди должное за неожиданную тактичность – вот уж не ожидал ее от него. Он хорошо продумал предварительные вопросы якобы доктора, и, когда он обращался ко мне как к своему ассистенту, то спрашивал у меня что-то малосущественное, что позволило мне сохранить свое реноме. Когда Кеннеди подошел к критическому моменту и открыл свой черный чемоданчик, он отпустил легкую и подходящую фразу о том, что не принес с собой ни острых режущих инструментов, ни противных дегтеобразных препаратов.

– Мисс Бонд, я хочу просто провести ряд тестов для выявления состояния ваших нервов. Один из них на скорость реакции, а второй – о сердечной деятельности. Ни один из них не является слишком серьезным, так что я попрошу вас не волноваться, тем более что главная суть тестов в том, чтобы во время их проведения пациент оставался совершенно спокоен. По окончании тестов, думаю, я смогу определить, прописать вам полный покой либо поездку в санаторий Ньюпорта.

Хелен томно улыбнулась, когда Крейг надел на ее руку длинную, плотно облегающую перчатку, которую впоследствии заключил в большой и плотный кожаный чехол. Из промежутка между перчаткой и чехлом выходила стеклянная трубка с жидкостью, поступавшей в нечто вроде циферблата. Крейг часто объяснял мне, что циферблат показывает давление крови, фиксируя эмоциональную реакцию так же точно, как если бы можно было заглянуть в самую суть вопроса. Думаю, он сказал, что психологи-экспериментаторы называют этот прибор «плетизмографом».

Затем Крейг взял аппарат для измерения «времени ассоциативной реакции». Неотъемлемой частью этого прибора был секундомер, и работать с ним предстояло мне. Нужно

было замерять время между его вопросами и ее ответами, а Крейг записывал и вопросы, ответы, и мои результаты. Крейг проводил все так, как если бы он занимался вещами такого рода каждый день, хотя я думаю, что он впервые опробовал оба прибора вместе.

– Теперь, мисс Бонд, – сказал он таким обнадеживающим и убедительным голосом, что я смог заметить: девушка не стала нервничать сильнее из-за наших суетливых приготовлений. – Все просто, это как детская игра. Я буду говорить слово, например «собака». Вы должны немедленно ответить первое, что придет вам на ум, например «кошка». Или я могу сказать: «цепь», а вы ответите «звено», и так далее. Понимаете, о чем я? Конечно, это может смешно выглядеть, но я уверен – еще до того как мы закончим, вы увидите, какой это хороший тест, особенно при таком нервном расстройстве, как ваше.

Не думаю, что она заметила зловещий смысл его слов, а вот я заметил. И если я и хотел когда-нибудь одернуть Крейга, то это было именно тогда, но слова застряли у меня в горле. Он начал. Мне стало ясно, что нужно уступить и не вмешиваться. Я пытался, помимо часов, наблюдать и за другим аппаратом, а мои уши и сердце наполнялись эмоциями от низкого и музыкального голоса девушки.

Я не стану приводить здесь все описание теста, так как слов было много, особенно в самом начале, но в действительности они были бесполезны, так как приводились для подготовки к внезапному переходу. Неожиданно бесцветные вопросы Кеннеди переменились. Все произошло в одно мгновение и застигло мисс Бонд врасплох.

- Ночь, – сказал Кеннеди.
- День, – ответила мисс Бонд.
- Автомобиль.
- Лошадь.
- Залив.

- Пляж.
- Дорога.
- Лес.
- Ворота.
- Забор.
- Дорожка.
- Кусты.
- Крыльцо.
- Дом.

Мне показалось или я заметил запинку?

- Окно.
- Занавеска.

Да, все было просто. Но слова быстро следовали друг за другом. Без остановки. У нее не было времени сосредоточиться. Я записывал разницу во времени реакции на разные вопросы и сочувствовал ей, проклиная эту «науку третьей степени».³

- Париж.
- Франция.
- Латинский квартал.
- Студенты.
- Апаш.⁴

– Доктор Кеннеди, я и в самом деле не могу подобрать ассоциацию.

– Хорошо, попробуем еще раз, – с деланным безразличием ответил Крейг. Ни один судебный адвокат не смог бы ста-

---

3 Намек на существующую в те времена практику «допрос третьей степени» – дознавательные мероприятия, при проведении которых используется физическое, эмоциональное или психологическое давление на допрашиваемого.

4 Апаша (фр. Les Apaches) – криминальная субкультура в Париже, столице Франции, существовавшая в конце XIX – начале XX веков. Получили свое название в честь индейцев апачей, так как якобы не уступали им в жестокости и «дикости».

вить наводящие вопросы так же безжалостно, как Кеннеди. Слова срывались с его уст резко и быстро.

– Люстра.

– Освещение.

– Электрический свет, – сказал он.

– Бродвей, – ответила она, пытаясь скрыть первое, что пришло ей на ум.

– Сейф.

– Камера.

Боковым зрением я заметил, как подскочила стрелка, измеряющая сердечную деятельность. Что же до времени реакции, то я заметил, что оно значительно возросло. Крейг выжимал ее до отказа. Я мысленно проклинал его.

– Резина.

– Шина.

– Сталь.

– Питтсбург, – наугад сказала она.

– Сейф.

Нет ответа.

– Замок.

Снова нет ответа. Крейг говорил все быстрее. Я подался вперед, напрягшись от волнения и сочувствия.

– Ключ.

Молчание девушки и трепыхание индикатора кровяного давления.

– Завещание.

Последнее слово покончило с ее духом испуганного неповиновения. Хелен с болезненным криком вскочила на ноги.

– Нет, доктор, нет, вы не должны, не должны... – запричитала она, вытянув руки. – Почему вы называете эти слова, а не другие? Может быть...

Если бы я не подхватил ее, думаю, она бы упала в обморок.

Датчик показывал, что ее сердце то подпрыгивает от возбуждения, то падает от страха. Что же Кеннеди будет делать дальше, думал я, решив остановить его, как только смогу. Девушка очаровала меня с того самого момента, как я ее увидел. Я знал, что занял место Флетчера, и не могу не отметить, что испытал определенное удовольствие, поддержав девушку в минуту, когда ей требовалась помощь.

– Может быть, вы догадываетесь о том, что не приходит в голову никому на свете, даже Джеку? Ох, я сойду с ума!

Кеннеди тут же вскочил на ноги, встав прямо перед ней. По его взгляду девушка тут же все поняла. Она увидела, что он знает, и от этого она побледнела и содрогнулась, дернувшись от него ко мне.

– Мисс Бонд, – сказал он, и его голос привлекал внимание – он был низким и взволнованно дрожащим. – Мисс Бонд, вы когда-нибудь лгали, чтобы защитить друга?

– Да, – ответила она, встретившись с ним взглядом.

– Как и я, – продолжил он все тем же возбужденным голосом, – когда я знал о друге правду.

Затем девушка впервые разразилась слезами. Ее дыхание стало быстрым и прерывистым.

– Никто никогда не поймет и не поверит. Скажут, что я убила его, что я погубила его.

Все это заставило меня потерять дар речи. Что бы это значило?

– Нет, – ответил Кеннеди, – нет, потому что об этом никогда не узнают.

– Никогда?

– Никогда, если справедливость восторжествует. Завещание у вас? Или вы его уничтожили?

Это был смелый ход.

– Да. Нет. Оно здесь. Как бы я могла уничтожить его, даже если оно и жгло мне душу?

Она буквально вырвала бумагу из-за пазухи, и в ужасе отбросила ее от себя.

Кеннеди подобрал завещание, развернул его и бегло просмотрел.

– Мисс Бонд, – сказал он, – Джек никогда ничего не узнает. Я скажу ему, что завещание неожиданно нашлось в столе Джона Флетчера, среди других документов. Уолтер, поклянитесь как джентльмен, что это завещание было найдено в столе старого Флетчера.

– Доктор Кеннеди, как мне отблагодарить вас?

– Просто расскажите, как достали это завещание, чтобы, когда вы с Флетчером поженитесь, я мог быть вам хорошим другом, не подозревая ни вас, ни его. Мисс Бонд, я считаю, что полное признание пойдет вам на пользу. Возможно, вы предпочли бы, чтобы доктор Джеймсон не услышал его?

– Нет, он может остаться.

– Мисс Бонд, теперь к тому, что я знаю. Прошлым летом в Париже, где вы были вместе с Гринами, вы могли услышать о Пилларде, апаше, ставшем одним из самых примечательных взломщиков. Вы разыскали его. Он научил вас, как обмакнуть пальцы в резиновую смесь, как пользоваться электродрелью, как работать старым добрым ломиком. Позаимствовав у Гриннов автомобиль, вы подъехали к Флетчервуду по задней дороге, примерно в четверть двенадцатого. Войдя в библиотеку через незапертое окно, вы подключили дрель к люстре. Действовать вам было нужно быстро, ведь в полночь электричество отключается, а завершить работу позже вы не могли. Той ночью Джон Флетчер проснулся. Каким-то образом он что-то услышал. Он вошел в библиотеку и, поскольку в его спальне горел свет, увидел, что это были вы. Рассердившись, он, должно быть, обратился к вам, но... болезни и возраст, и все к одному – он внезапно упал на пол от апоплексического удара. Вы склонились над ним, но он уже умер. Но почему вы посту-

пили так глупо? Разве вы не понимали, что другие люди знают о завещании и его условиях, и что вас обязательно выследят – если не друзья, то враги? Какой вам толк уничтожать завещание, положения которого всем известны?

– Позвольте мне рассказать то, что вам еще не известно. Жутко, что вы знаете так много. Не могу себе представить, как вы смогли это выяснить. Чистосердечно признаюсь – я сделала это потому, что люблю Джека. Да, звучит странно, но я сделала это не ради себя. Я была без ума от любви к Джеку. Ни один мужчина никогда не вызывал у меня такого уважения и любви, как он. Его работа в университете... Но, доктор Кеннеди, разве вы не видите, что я отличаюсь от Джека? Что мне даст зарплата мужа – декана университета? Выплаты, которые предоставляются мне этим завещанием, просто ничтожны. А мне требуются миллионы. Я с младенчества была так воспитана. Я всегда ждала богатства. Мне всегда давали то, что я хотела. Но замужем все совсем иначе – нужны свои собственные деньги. Я нуждаюсь в богатстве, тогда у меня будет и городской дом и загородный, яхта, машины, наряды, слуги – я нуждаюсь во всем этом, это часть моей жизни точно так же, как ваша профессия – часть вашей.

А теперь все это ускользает из моих рук. Правда, если бы все пошло согласно последнему завещанию, Джек был бы счастлив работать в новой школе. Я бы согласилась с этим, и у меня хватало богатых ухажеров, но мне нужен Джек, и я знаю, что я нужна Джеку. Но он никогда не смог бы понять, как сильно по мне ударил бы интеллигентский минимализм, и как мое несчастье отразилось бы на нем самом. Вся эта филантропия просто разрушила бы и нашу любовь, и наши жизни.

Что же мне было делать? Стоять и смотреть, как рушатся мои жизнь и любовь? Или отказаться от Джека и ради богатства выйти за человека, которого я не люблю? «Нет, Хелен Бонд совсем не такая женщина», – сказала я себе. Я прокон-

сультивровалась с лучшим адвокатом, которого знаю. Я задала ему гипотетический вопрос, спросив его мнение таким образом, что ему показалось, будто я спрашиваю его, как составить надежное, неуязвимое завещание. Он рассказал мне о множестве положений и оговорок, которых следует избегать, особенно при выплате пособий. Я хотела это узнать. Я могла бы вставить в дядино завещание одну из таких оговорок. Я практиковалась, пытаюсь писать дядиным почерком до тех пор, пока у меня не стало хорошо получаться. У меня были те же самые слова, написанные дядиным почерком, так что я могла тренироваться.

Потом я отправилась в Париж, где, как вы догадались, я узнала, как вынуть вещи из сейфа наподобие дядино. Все, что я хотела сделать, это достать завещание, изменить его, вернуть обратно и надеяться, что дядя не заметит изменений. А после его смерти я бы оспорила завещание. Я получила бы свое либо по суду, либо во внесудебном порядке. Понимаете, я все распланировала. Школа была бы основана, но основала бы ее я. Какая разница, потратить на школу тридцать или пятьдесят миллионов? Школа ведь еще не существует. А разница в двадцать миллионов долларов означала для меня жизнь и любовь.

Я планировала украсть из сейфа деньги – это отвлекло бы внимание от завещания и заставило бы все выглядеть как обычное ограбление. Я бы исправила завещание и вернула его в сейф еще до утра. Но получилось совсем не так. Я уже почти открыла сейф, как в комнату вошел дядя. Его гнев выбил меня из колеи, а когда я увидела, что он упал на пол, у меня в голове не осталось ни одной разумной мысли. Я забыла достать деньги из сейфа, я забыла обо всем, кроме завещания. Моя единственная мысль заключалась в том, чтобы достать и уничтожить его. Не думаю, что смогла бы изменить его, когда мои нервы были расстроены. Вот вам вся моя история. Я в вашей власти.

– Нет, поверьте мне, – сказал Кеннеди, – существует моральный закон о сроке давности, и он, по нашему с Джеймсом мнению, уже снял это дело. Уолтер, найдешь Флетчера?

Я обнаружил, что профессор нетерпеливо ходил взад-вперед по гравийной дорожке.

– Флетчер, – обратился к нему Кеннеди, – все, что требуется мисс Бонд, это спокойная ночь. Это был простой случай из-за переутомления нервов, и болезнь пройдет сама собой. Тем не менее я бы посоветовал как можно скорее сменить обстановку. До свидания, мисс Бонд, и примите мои пожелания доброго здоровья.

– Доктор Кеннеди, до свидания. Доктор Джеймсон, до свидания.

Я был рад сбежать.

Спустя полчаса мы с Кеннеди снова появились у Гринов. Мы буквально ворвались к ним, прервав разговор на веранде.

– Флетчер, Флетчер, – воскликнул Кеннеди, – Смотрите, что мы с Уолтером только что нашли в жестяной коробке за столом вашего дяди!

Флетчер схватил завещание и, припав к тусклому свету из холла, торопливо прочел его.

– Слава Богу, – вырвалось у него. – Здесь, как я и думал, говорится о школе.

– Какая радость! – пробормотала Хелен.

Я же, подчинившись инстинкту газетчика, пробормотал:

– Такой материал для статьи пропал!

II. Бесшумная пуля

– Вымышленные детективы почти всегда совершают большую ошибку, – как-то вечером заметил Крейг Кеннеди. Это было после успешного завершения дела Флетчера. – Они почти всегда противостоят официальному следствию. Но в реальной жизни это невозможно, это фатально.

– Да, – согласился я, подымая глаза от газеты с отчетом о банкротстве крупного брокерского дома «Керр Паркер & Ко» и необычном самоубийстве Керра Паркера. – Да, это невозможно, так же, как невозможно и противостояние полиции и газет. Скотленд-Ярд выяснил это в деле Криппена.

– Джеймсон, мое представление об этом заключается в том, что профессор криминальных наук должен работать вместе с официальным следствием, а не против него, – продолжал Кеннеди. – Оно в полном порядке. Оно, конечно, незаменимо. Сегодня половина успеха заключается в организованности. Профессор криминальных наук должен быть тем, кем зачастую является профессор в техническом колледже – своего рода инженером-консультантом. Например, я верю, что организованность и наука довели бы до развязки дело с Уолл-стрит, о котором, как я вижу, вы читаете.

Я высказал сомнения в том, что полиция достаточно просвещена, чтобы принять такую точку зрения.

– Некоторые из них принимают, – ответил Кеннеди. – Вчера шеф полиции западного Нью-Йорка прислал ко мне человека из восточной части города. По расследованию об убийстве Прайса. Вы знаете это дело?

Конечно, я знал. Богатый банкир был убит по дороге в гольф-клуб, и никто не знал, кем и почему. Все улики оказались бесполезны, и список подозреваемых стал таким длинным и невероятным, что начинал обескураживать.

– Он прислал мне обрывок платка с кровавым пятном, – продолжал Кеннеди. – Он сказал, что кровь точно не принадлежит убитому, и это указывает на то, что сам убийца был ранен в драке. Но пока что эта улика так ни к чему и не привела. Не могу ли я посмотреть, что с ней можно сделать? После того, как его человек обо всем рассказал, я почувствовал, что убийство совершено либо сицилийцем-рабочим на поле для гольфа, либо негром-официантом в клубе. Чтобы упростить задачу, я решил провести анализ кровавого пятна. Возможно, вы этого не знаете, но институт Карнеги только что опубликовал тщательную и сухую работу о крови людей и животных. Фактически, на этой основе они смогли реклассифицировать весь животный мир, что дополнило наши знания об эволюции. Я не собираюсь углубляться в подробности, но один из результатов исследования заключается в том, что кровь некоторых рас сходна с кровью шимпанзе, тогда как кровь других рас сходна с кровью других обезьян – горилл. Конечно, исследование затрагивало намного больше областей, но сейчас нас интересует именно этот аспект. Я провел анализ. Кровь на платке совпадала со вторым вариантом. То есть с кровью гориллы. Но это же не «Убийство на улице Морг», так что этот вариант отпадает. Значит, это был негр-официант.

– Но, – вмешался я, – у негра отличное алиби, и...

– Нет, Уолтер. Вот телеграмма, которую я получил днем:

Поздравляю. Поставил Джексона перед вашими показаниями. Тот признался.

– Ну, Крейг, снимаю шляпу! – воскликнул я. – Вы наверняка решите и дело Керра Паркера.

– Я бы приложил к нему руку, если бы мне позволили, – коротко ответил он.

Тем вечером я, не говоря ни слова, отправился к внушительному новому зданию полиции, возвышавшемуся над убогостью Централ-стрит. Очевидно, что штаб-квартира полиции была очень загружена, но будучи сотрудником «Стар», я без проблем прошел внутрь. Инспектор Барни О'Коннор осторожно перекинул сигару в другой угол рта, когда я высказал свое предложение.

– Джеймсон, вы думаете, что тот профессор – это то, что нужно?

